тат Кавасилы. Автор ссылается на трактат по изданию И. Шевченко «стр. 92 и сл.», причем фактически не дает указания на цитату. Так, на стр. 437 прим. 162, 163, 164, 167 непонятны и проверить их по источнику затруднительно. Прим. 164 следует дать: «там же, стр. 99, § 20, 5», а не «там же» (т. е. стр. 92). Нельзя цитировать, как на стр. 419, прим. 100: Harmenopuli. Hexabiblon, 2,4. Проверить такую цитату трудно; следует: 2, 4, 43. Также нельзя цитировать Basilica, 58, 11 (стр. 419, прим. 102); следует 58, 11, 10.

Имеются произвольные переводы. Так, на стр. 237 ἐν τῇ χώρᾳ ἡμῶν (MM, IV, 265) — «в нашей деревне» — переводится как на нашей земле (ср. ἀπὸ τῆς χώρας τοῦ Γενικοῦ ὁρμώμενοι).

На стр. 102 нельзя слова δικαίῳ τε οἰκείῳ καὶ δικαίῳ παροίκων переводить «облечен правом суда в своих владениях и суда *над* своими париками».— В документе говорится, что Сиргари выступает за свои права и права своих париков.

Очень невнимательно составлена библиография. Почему в число источников попали труды Безобразова, Вернера, Шевченко (1953 г.), статья Франчеса (впрочем, она помещена и в разделе «Использованная литература»)?

В итоге нашего рассмотрения книги Б. Т. Горянова необходимо отметить, что, безусловно, в целом книга представляет собой труд, который прокладывает дорогу к изучению сложной проблемы сущности поздневизантийского феодализма. Мы можем не соглашаться с определенными положениями и концепцией в целом, но нужно иметь в виду, что проблема поздневизантийского феодализма во всей полноте впервые поставлена в марксистской литературе Б. Т. Горяновым, и в этом его заслуга.

М. Я. Сюзюмов

Г. Л. КУРБАТОВ. РАННЕВИЗАНТИЙСКИЙ ГОРОД (АНТИОХИЯ В IV в.). Л., 1962, 286 стр.

Монография Г. Л. Курбатова в основном построена на внимательном изучении речей и писем ритора Либания и гомилий Иоанна Златоуста. Эти источники дают возможность показать с достаточной полнотой, что представлял собой город Антиохия в IV в. Разумеется, Антиохия имела свою специфику, но тем не менее по материалам Антиохии можно судить об общих чертах, присущих ранневизантийскому городу. Г. Л. Курбатов показал это в интересной, блещущей широкими обобщениями, глубоким анализом источников, широкой эрудицией и критическим отношением к имеющейся зарубежной литературе по данной теме монографии.

Основная цель труда Курбатова — проследить на примере Антиохии ломку рабовладельческого города-землевладельца в позднеримской империи на последнем этапе существования рабовладельческого общества.

Первая глава посвящена эволюции аграрных отношений ранневизантийского города. Свое исследование автор начинает с изучения эволюции форм земельной собственности и хозяйственной жизни сельской округи Антиохии в IV в. Он отмечает, что природные условия прилегавших к Антиохии земель не способствовали организации плантационного хозяйства типа латифундий, и приходит к выводу, подтвержденному археологическими изысканиями, что крупные землевладельцы имели не большие поместья, а множество мелких. Наличие оливковых рощ, которые требовали кратковременного интенсивного труда сезонного характера, делало там труд рабов невыгодным и привело к использованию наемных работников мистиев-операриев.

Г. Л. Курбатов считает, что вокруг Антиохии существовало два типа свободных крестьянских поселений: деревни, основанные на праве общинной собственности на землю, и коллективы частных собственников. Однако вопрос об общинной собственности запутан из-за стремления автора во что бы то ни стало видеть общинную собственность там, где ее не было. Если крестьянин мог продавать, завещать, дарить, закладывать свой участок (стр. 31), то какие же права имела община на этот участок? Если учесть к тому же, что этими участками были в основном виноградники, оливковые рощи, сады, то предположить наличие общинной собственности на такие хозяйственные участки весьма трудно. Гораздо проще допустить, что общинная собственность была уже давно пройденным этапом, что община являлась собственником только неподеленных участков и в основном представляла собой не землевладельца, а аппарат самоуправления.

Главное положение, к которому приходит автор, заключается в следующем: мелкая земельная собственность в IV в. не укреплялась, как полагают некоторые зарубежные исследователи, особенно на основании археологических материалов, а, скорее, поглощалась крупным землевладением, причем этот процесс сопровождался не обезземеливанием, а закабалением мелкого собственника (стр. 53—55). Археологические данные, по мнению автора, не могли отмечать этот процесс, поскольку внутренний уклад хозяйственной жизни деревни не менялся.

Много внимания Г. Л. Курбатов уделяет проблеме патроната. Однако автор только мимоходом останавливается на вопросе о том, каким образом патрон становился

собственником патронируемых мелких земельных хозяйств. Предположение, что сильный патрон со временем мог обеспечить себе собственность над землей патронируемого, даже над всей общиной, остается только гипотезой. Переход в собственность к патрону чужой земли юридически был совершенно невозможен. Это было бы похищением чужой собственности. Сообщаемые Либанием факты патронирования военными чужих колонов можно истолковать только как попытку оказать давление на собственника с целью заставить его продать свое владение. Сам по себе патронат никаких прав собственности не давал (это обстоятельство могло, между прочим, иметь значение в дальнейшем, когда патроны погибали вследствие политических репрессий или теряли свою экономическую мощь или политическое влияние и не могли осуществлять патронирования. Патронируемые само собой освобождались, что и облегчило переход в VII в. к господству свободной крестьянской общины). Разумеется, переход под патронат военных и чиновников земель куриалов, равно как и свободных, но фискально относящихся к городу крестьянских хозяйств, разорял куриалов и город, поскольку патронируемые переставали вносить городским сборщикам налоги.

Вряд ли можно считать аргументированным вывод автора о том, что IV век был временем установления абсолютного господства крупной земельной собственности (стр. 63). Наоборот, в 52-й речи Либания говорится, что простые воины за небольшую плату приобретали (II, 45) имущество своих соседей. Да и чиновники, которые покупали земли, принадлежали не к высшей знати, а были служащими (ὑπηρέται).

Переходя к анализу экономики, автор признает значительный хозяйственный подъем Сирии в IV в., хотя и протестует против утверждений западных археологов об экономическом «процветании» края. Но одновременно в монографии говорится об обеднении города Антиохии, которое, по мнению автора, началось в IV в. вследствие того, что городские средства тратились все в большей мере на оборону городов (стр. 71), а сами куриалы хищнически использовали муниципальную землю. Запреты куриалам расхищать городские земли Курбатов объясняет стремлением чиновников и крупных землевладельцев самим захватить эти земли (стр. 75). Однако вернее было бы предположить, что закон 372 г. имел в виду сохранение доходов города на содержание оборонительных сооружений.

Основной причиной обеднения городов автор считает правительственные мероприятия по переходу фиску муниципальных земель и укрепление на городских землях крупного сенаторского землевладения. В условиях общего подъема экономики края некоторое падение значения Антиохии, как показывает автор, несомненно, было подготовлено экономическим ростом подвластной ему территории, фактическим превращением деревень в многолюдные города, конкурирующие с Антиохией. Либаний сознавал эту конкуренцию — он заявлял (речь 50,31), что если не будут сняты стеснения с приезжающих в город землевладельцев, продающих хлеб, то они устремятся в другое место, что деревни «не нуждаются в городе», а вступают в торговые связи между собой (речь 11). В монографии очень хорошо показано, как целый этап рабовладельческой формации, когда античный город-землевладелец господствовал над окружающей территорией по праву муниципальной собственности, отходил в область прошлого. Утверждение автора об обеднении Антиохии имеет в виду муниципальные финансы, и в этом отношении оно, конечно, совершенно правильно. Но можно ли говорить вообще об экономическом упадке Антиохии в IV — V вв.? Для Либания, конечно, обнищание куриалов казалось катастрофой, которая вела к обеднению города в целом. Однако выдвинутое автором положение о том, что обеднение куриалов вело к упадку ремесла и городской жизни (стр. 95), нельзя принять: вместо разорившихся куриалов появляется городская знать из иных прослоек. Город в IV в. растет — Либаний отмечает, что даже те места, которые вчера были заняты огородами, теперь застраиваются. В город прибывают все новые и новые массы людей; блеск городских построек, роскошь богачей, а, главное, развитие всевозможных ремесел дают право говорить о том, что, вопреки утверждениям автора, ни в IV, ни в V в. упадка Антиохии не было.

Согласно концепции автора, упадок курии сопровождался переходом господства в городе к крупноземлевладельческой знати, которая, проживая в городе, использовала, тем не менее, продукты из своих поместий, внося в город моменты натурального хозяйства и ослабляя в нем товарное производство и обращение. Это господство поместной знати приводило, по мнению автора, к развитию в Антиохии производства и торговли предметами роскоши и к сокращению торговли предметами широкого потребления. Блеск от торговли предметами роскоши как позолоченная форма прикрывал постепенное сокращение общего объема торговли. Эта концепция кажется нам недостаточно убедительной. Сокращение числа потребителей из «средней» прослойки покрывалось громадным увеличением мелких потребителей, обнищание куриалов покрывалось выдвижением другой прослойки. Самый факт устремления в город населения провинции, несомненный рост города говорит об увеличении покупателей товаров широкого потребления: хлеба, на который был большой спрос у «черни», масла, без которого ремесленник не мог работать ночью и которым должен был освещать улицу, вина, рыбы. Совершенно очевидно, что если торговцы хлебом богатели, то от массовой его

продажи, и что если подавляющее большинство горожан не владело землей, то оно было покупателем самых необходимых предметов потребления.

В некотором противоречии с тезисом об экономическом спаде Антиохии автор дает великолепную картину развитого антиохийского ремесла. Он отмечает также рост наемного труда в Антиохии, особенно в строительном деле, транспорте, на сезонных работах в пригородных садах и огородах (стр. 114), возрастание числа мелких торговцев.

Автор придает большое значение фактам, свидетельствующим о росте влияния торгового посредника, особенно в области снабжения города продовольствием (стр. 18). Поскольку скупщики покупали продовольствие в поместьях, автор считает, что именно крупные землевладельцы господствовали на рынке Антиохии, что именно они диктовали цены (стр. 118). Но вряд ли это так. Перекупщики в урожайный год могли попридержать зерно и устанавливать цены на случай недорода; покупательную способность рынка учитывали не землевладельцы, а перекупщики. Скупщики продовольствия быстро богатели. По свидетельству Либания, они становились «важными господами», составляли целые состояния. Таким образом, львиная доля выгоды от торговли доставалась купечеству, а не крупным землевладельцам. Не можем согласиться также с утверждением автора, что рост крупного землевладения вокруг Антиохии создал чрезвычайно благоприятные условия для развития торгового посредничества в снабжении города. Нам думается, что, наоборот, крупные землевладельцы сами стремились вести через своих людей торговлю, становясь конкурентами купечества; из фискальных и политических соображений правительство, как и указывает автор, запретило знати «губительную» для мелких людей торговлю.

Г. Л. Курбатов убедительно показывает, что мелкое ремесло находилось в подчинении у крупных торговцев и ростовщиков, поскольку ремесленники работали на привозном сырье. Кроме того, важной причиной обнищания ремесленников автор справедливо считает конкуренцию прибывавших в большом числе в Антиохию деревенских ремесленников (стр. 115). В результате конкуренции снижалась как цена, так и качество ремесленной продукции. Именно стремление спастись от гибельной конкуренции, по нашему мнению, создало условия для объединения ремесленников в корпорации. Правительство тоже было заинтересовано в образовании корпораций в интересах регулирования и установления корпоративной ответственности; автор считает это обстоятельство основной причиной их создания (стр. 117). Очень важны соображения автора о том, что именно постоянный приток в ремесло бедноты из провинций настолько снизил жизненный уровень ремесленников, что содержать рабов стало невозможно и рабский труд в ремесле был вытеснен трудом «свободных» мелких ремесленников.

Подводя итоги анализа экономики Антиохии, Г. Л. Курбатов пришел к правомерному выводу, что ранневизантийский город эволюционировал в направлении к феодальному (стр. 127). Действительно, сущность последнего этапа рабовладельческого общества и состоит в том, что рабовладельческие имущественные отношения сохраняются благодаря деспотизму военнобюрократической монархии, в условиях, когда как в деревне, так и в городе пробиваются новые общественные отношения.

Гипотеза автора о натурализации хозяйства Сирии в IV в. идет вразрез с им же приведенными многочисленными фактами, свидетельствующими как раз о большом подъеме товарного хозяйства в IV—V вв.

Другой характерной чертой эволюции ранневизантийского города, согласно концепции Г. Л. Курбатова, является укрепление торгово-ростовщической верхушки. Можно было бы прибавить, что это относится к росту товарного обращения в IV—V вв. вообще и что эта особенность эволюции восточной части позднеримской империи определила специфику дальнейшего развития Византии и была основой, на которой свершалась кодификация римского права в Византии.

В третьей главе автор рассматривает социальные отношения в Антиохии и во многом возвращается к тем проблемам, которые были затронуты в главе второй. Снова поднимается проблема рабства: насколько широко рабы участвовали в производстве. Согласно концепции автора, рабство в производстве потеряло свой смысл и в основном стало носить прислуживающий характер. Однако обучение ремеслу рабов, как советовал Златоуст рабовладельцам, говорит именно о том, что возможности использования рабов в производстве были. Ведь господин мог продавать рабочую силу своих рабов; их можно было использовать в ремесле и торговле в качестве квази-самостоятельных хозяев. Рабам разрешалось в свободное от работы на господина время подрабатывать на стороне. Не в этом ли причина наличия в городах большого количества челяди? Если рабы могли зарабатывать на стороне, то, очевидно, это и есть своеобразная система «отпуска на оброк». Рабы должны были выполнять несложные обязанности челяди-прислуги, но в основном работали на стороне в качестве самостоятельных мелких ремесленников, платящих своеобразный оброк. Таким образом, знать делала попытку повысить заинтересованность раба в работе.

Я не могу согласиться с утверждением автора, что известная речь Либания «О рабстве» говорит о постепенном стирании разницы между рабом и основной массой свобод-

ных. Это политический памфлет против автократии, против установления военнобюрократической диктатуры, слегка завуалированный рассуждениями о рабстве и подчинении своим страстям и т. д. Как ни тяжело было положение свободного бедняка, никакого сравнения статуса раба со статусом свободного не могло быть. Абстрагирование от юридического статуса раба совершенно неприемлемо (см. стр. 132, 13). Ведь рабы были не только классом, но и сословием людей, занимавших разное место в производстве и общественной жизни, но объединенных статусом раба.

Несмотря на определенную недооценку рабов как производителей материальных благ, основной вывод автора о постепенном снижении значения рабства в общественных отношениях и в социальных выступлениях совершенно правомерен (стр. 141—142).

Возвращаясь в третьей главе к характеристике ремесленников, Курбатов более подробно останавливается на их тяжелом положении, но не отделяет при этом люмпен-пролетарские слои, которые, по Либанию, занимались нищенством и воровством, от постоянных ремесленников. Объединение всех люмпенов, ремесленников и мелких торговцев в разряд ordo plebeius привело автора к некоторому сгущению красок и передержкам. Так, ссылаясь на Либания (XXXI, 11), автор утверждает, что большинство ремесленников не имело даже «домишка». Но ведь это относится к риторам, которых Либаний уподобляет самому низшему разряду ремесленников — штопальщикам обуви, не имевшим ничего, кроме иглы (стр. 144, о них 46,22). Ссылаясь на Либания (XXXI, 11), автор утверждает, что ремесленники были противниками рабовладельческих отношений. Но в источниках нет никаких данных, позволяющих прийти к заключению, что масса свободных ремесленников выступала против института рабства. Наоборот, судя по гомилиям Златоуста, свободная беднота была настроена против рабов, особенно потому, что рабы из челяди могли жить гораздо лучше, чем свободные бедняки. Отношение ремесленников к рабовладельческому обществу лучше всего определяется отношением горожан к варварам. Почему городские массы отчаянно защищали города против варваров? Очевидно, потому, что ремесленник, не имевший земельного участка, связан был с городской клиентурой. Потерять ее означало лишиться средств существования. К тому же в настроениях ремесленников тон задавала наиболее влиятельная их верхушка, имевшая рабов.

Переходя к вопросу о корпорациях, автор указывает, что большая часть ремесленников была неорганизованной и потому бессильной перед произволом властей. Только некоторые профессии имели прочные объединения и потому пользовались определенной влиятельностью.

Курбатов подробно анализирует социальный смысл демагогии Златоуста, лицемерно выступавшего против излишества богачей и стремившегося внушить массе ремесленной бедноты мысль о необходимости примириться с тяжелой участью трудящегося. В то же время через институт простасии осуществлялся рост зависимости большого числа ремесленников от церкви. Автор отмечает развращающее влияние на отдельные прослойки бедноты подкармливания их в политических целях церковью и богачами.

В заключении этой главы Курбатов приходит к важному выводу о том, что если на Западе крупное землевладение полностью овладело слабым городом, то в Византии, где было сильно ремесло и торговля, эксплуатацию горожан можно было проводить только с помощью государственной власти; эксплуататорские слои — крупные землевладельцы и чиновная аристократия, цепляющаяся за должности, вынуждены были сплотиться. Это определило специфику дальнейшего развития Византии. Между двумя прослойками знати стала усиливаться борьба, причем каждая из борющихся сторон старалась опереться на определенные слои широких масс.

В 4-й главе Курбатов разбирает сущность политической борьбы в городах IV в. Автор приписывает Либанию взгляд на Римскую империю, как на союз управляемых местной знатью городов под объединяющей властью императора. Либаний не сомневается в исконном праве курии распоряжаться в городах (стр. 171). У него нет понятия «гражданин империи», для него родина — это город, о пришлых он говорит так, как бы вовсе не было закона Каракаллы.

Автор соглашается с известным положением о том, что Римская империя была союзом городов. Но едва ли это положение можно считать правильным: никаким суверенитетом города́ не пользовались. При господстве рабовладельческого класса в целом муниципальное самоуправление было только формой разделения этого господства между отдельными его прослойками, оформленными в виде сословий, и их прав над населением. Лишь в IV в., в эпоху кризиса рабовладельческого строя, сословная власть сменялась военнобюрократической формой господства рабовладельческого класса.

По мнению автора, до середины IV в. существовало единство «народа» и курии. Вряд ли можно согласиться с этой теорией: не единство, а полное господство местной знати над населением города являлось политикой Римской империи. К тому же сам автор критикует идеализацию Либания Розенталем, который рассматривал его как народного трибуна, борца против притеснений народа как со стороны чиновников, так и куриалов. Для курии, интересы которой защищал Либаний, характерно было вы-

ставлять свою родовитость, владение землей, эллинскую культуру, полное презрение к торгово-ремесленным кругам и народным массам. Автор признает, что куриалы грабили народ и что переход к бюрократическому управлению произошел на фоне обострившейся классовой борьбы между куриалами и народными массами (стр. 175).

В главе ярко описываются методы политической борьбы между отходящей сословной властью куриалов и восходящей мощью бюрократии: основной силой, которой пользовались правители при проведении демагогической политики против курии, были люмпен-пролетарские массы, в основном пришлого происхождения. По Либанию, вожди люмпенов фактически подчиняли себе правителя, который без их поддержки не мог проводить свои мероприятия в городе (стр. 179).

Г. А. Курбатов показывает, почему куриалы так ненавидели в IV в. зрелища: вокруг зрелищ создавалась враждебная курии сила. По Курбатову, как правило, зрелища посещали только состоятельные элементы и люмпены; во главе плебейских масс появились профессионалы-политиканы, которые, в основном оказывая поддержку правителю города, подрывали влияние курии. Масса ремесленников, только в моменты особого раздражения выступавшая и против куриалов, и против правителей, не могла присутствовать на зрелищах.

По концепции автора, в борьбу включались интеллигенция и жречество; язычество в IV в. было против централизации, т. е. против господства чиновников, за сохранение сословного правления. При этом автор полагает, что идеологией той части господствующего класса, который стоял за сохранение доконстантиновских порядков, стал неоплатонизм. Эта группировка являлась основной оппозиционной партией в Антиохии IV в.

Идеологией другой партии, в ряды которой стало включаться большинство антиохийских куриалов, являлось никейское христианство. Причины перехода куриалов не к арианству, а к никейской религии автор объясняет тем, что философски сложное никейское богословие более подходило городской и провинциальной аристократии. Но вряд ли это так: арианские системы «подобосущия», «подобия» и «неподобия» тоже были достаточно сложны. Дело в другом: арианство в IV в. было официальной религией, и, переходя на сторону никейского вероучения, куриалы проявляли свою оппозиционность и получали мощного покровителя в лице сильной епископской власти. Программой этой части куриалов можно считать самоуправление под эгидой православного епископа и его организации.

Идеологией третьей партии, состоявшей из военнослужащих и чиновников, было, согласно концепции Курбатова, арианство. Можно согласиться с положением автора, что арианство вполне устраивало торгово-ремесленные круги города, но следует заметить, что оно не было монолитным: наиболее радикальное крыло ариан — аномеи — подвергалось гонениям со стороны арианского правительства. Автор часто говорит о «военно-чиновной знати». Однако нельзя считать ее состав однородным. Если военная знать в Византии до 400 г. все более и более становилась варварской, то, наоборот, чиновная прослойка не включала варваров и противоречия между варварской знатью и бюрократическим аппаратом привели к отходу императорской власти от арианства.

В конце главы автор присоединяется к критике теории происхождения цирковых партий — димов от античных демов: в Антиохии IV в. димы не встречаются ни как территориальные единицы, ни как политические партии (стр. 196). Происхождение этих партий автор видит в распаде политического единства курии и демоса (вернее, в потере курией полной власти над населением города).

Пятая глава посвящена народным движениям. Курбатов обращает внимание на движения «разбойников» и морских пиратов, которые представляли собой выступления обездоленных против общественного гнета. Однако мы считаем, что нельзя идеализировать пиратов и разбойников — их выступления становятся прогрессивными только тогда, когда превращаются в массовые восстания. Разрозненные действия разбойников и пиратов только затрудняли экономическое развитие края. Интересно наблюдение автора: в областях с дифференцированным составом крестьянства, там, где развито было разбойничье движение, не наблюдалось массовых крестьянских выступлений (стр. 200); они развивались только в странах с более или менее монолитным составом крестьянства.

Курбатов останавливается на анализе отдельных городских волнений. Восстание 354 г. автор отказывается приписывать, согласно Аммиану Марцеллину, интригам Галла и люмпен-пролетарским массам. Народ выступил против организаторов дороговизны — и правителя, и куриалов.

Наиболее обстоятельно анализируется восстание 387 г., которому посвящена столь обширная литература. Автор стремится доказать, что это было подлинно народное восстание, направленное против существующего общественного строя в целом (несмотря на определенные интриги куриалов) и носившее прогрессивный характер. Мы не можем согласиться с такой оценкой восстания. При совершенной бесспорности вины куриалов за возбуждение населения, все восстание является своего рода провокацией со стороны реакционных кругов куриалов, которые стремились путем восстания воз-

действовать на правительство и заставить его отменить невыгодный для них налог (очевидно, переложив его на другие слои населения). Не желая себя компрометировать, зачинщики выступления не принимали участия в нем, а выступление масс приняло неорганизованный стихийный характер. Наиболее активная роль перешла к люмпенам, которые, не будучи в состоянии поджечь дворец правителя, стали поджигать центральные кварталы, дома наиболее богатых горожан. Вряд ли в этих погромных действиях участвовали ремесленники и мелкие торговцы: в Антиохии богатые дома были обрамлены портиками, в которых располагались ремесленники. Можно вполне сочувствовать гневу бедноты против угнетателей, но нет никаких признаков, что это восстание носило характер антирабовладельческий, не видно даже, что в нем принимала участие часть рабов. Не можем мы согласиться и с соображениями автора о том, что восстание было прогрессивным благодаря тому, что оно в тяжелый для государства момент ослабляло оборонные силы Византии и тем самым помогало победе варваров. Неужели для победы новых производственных отношений необходимо было, чтобы варвары разрушили государство, чтобы под их ударами погибла греческая народность; неужели при наличии соответствующего развития производительных сил сами византийцы без подталкивания варваров не смогли бы совершить переход к феодальному строю? Поэтому вряд ли восставшие в Антиохии связывали свое выступление с тяжелым положением государства перед лицом варварской опасности.

Гораздо более прогрессивным можно считать повседневное участие народных масс в политической борьбе вокруг зрелищ; и куриалы и правители вынуждены были для привлечения на свою сторону масс предпринимать мероприятия демагогического характера, а иногда и делать серьезные уступки. При всей ограниченности подлинного участия широких масс в выступлениях система политической борьбы вокруг зрелищ серьезно активизировала массы, и притом, что очень важно, не в области религиозных споров, а по вопросам политики и материальной заинтересованности.

Глава шестая посвящена идеологической и культурной сторонам жизни города. Курбатов говорит о живучести и значении полисной идеологии, которая, объединяя все свободное население города против рабов, внутренне укрепляла рабовладельческий строй более сильно, чем государство с его римским правом (стр. 238). Автор показывает, как в IV в. под влиянием эволюции рабства и христианства эта идеология единства свободных против рабов стала разлагаться. Однако он слишком увлекается противопоставлением языческой полисной антирабской идеологии христианству, уравнивающему перед богом раба и господина. Безусловно, рабы не допускались к некоторым мистериям языческого культа. Но христианство с еще более строгой последовательностью не допускало рабов в монастыри, к посвящению на священство; даже таинство брака было недоступно рабам. Приведенные автором слова Златоуста о превращении рабов после крещения в «граждан церкви» имели в виду только мистическое их освобождение. Златоуст ведь не стал бы посвящать в священника этих «свободных граждан церкви»! Проповедь рабовладельцев среди христиан не выходила за рамки призывов к терпению, повиновению властям и обещаний загробной награды.

Нельзя согласиться, что антиварварская направленность есть вместе с тем направленность антирабская. В IV в. давно отошло в прошлое то время, когда варвар считался только рабом. Под варваром понимался уже не столько раб, сколько солдат, военный командир, каратель полисных выступлений. Варвары в IV в.— люди, основным занятием которых были военные набеги с их ужасающими разрушениями, уничтожением городской жизни, массовыми убийствами мужского населения, уводом в рабство женщин; это опасные враги античной греческой культуры. Выступление Синезия автор обрисовывает тенденциозно, во враждебном для греков духе (стр. 239). Ведь как-никак завоевателями были готы, почти не скрывавшие своего желания господствовать над греками. Синезий правильно рассматривал обстановку, видя реальную возможность захвата власти паразитическими слоями готского народа — дружинниками Гаины и Трибигильда, последующую германизацию Византии и усиление рабства за счет греческого населения. Понятно, почему горожане отчаянно защищали города против варваров.

Нельзя согласиться с теорией Г. Л. Курбатова о происхождении арианства (стр. 251). По его мнению, торгово-ремесленные круги не принимали аскетических идеалов православия. Но разве сам Арий не представлял собой образец аскета? Нет никаких данных утверждать, что арианство было резко настроено против аскетизма. Причины же неразвитости монашества среди ариан нужно видеть не в наличии особого вероучения, противящегося аскетизму, а в особой обстановке IV в.: монашество развивалось преимущественно в Египте и Сирии, где стремящееся уйти от мира угнетения православное население было особенно сильно проникнуто сепаратистскими настроениями.

Никейская церковь необоснованно обрисована автором как вообще враждебная светской культуре (стр. 252). Нельзя также представлять арианство как дружественно настроенное светской науке учение. Во всяком случае арианские иерархи не были так близко связаны со светскими науками и античной образованностью, как, например, Григорий Нисский.

Курбатов отмечает усиление интереса к римскому праву у торгово-ремесленных кругов в Сирии, в противоположность куриалам, которые противились проникновению римского права. Нам думается, что это являлось результатом возросшего товарного обращения Сирии в IV в. Автор показывает, как христианизировались в Антиохии общественный быт, литература, вкусы общества, приходили в упадок театр, скульптура; мировоззрение все более сковывалось церковными догмами, во всем чувствовалось влияние торжествующего бесправия чиновно-военной машины империи.

В заключительной — седьмой — главе автор перечисляет те изменения, которые произошли в городском строе: постепенное усиление принципалес, лишение городов средств, переход строительства общественных зданий от курий к правительству. С лишением городов средств число общественных школ стало сокращаться; лечебное дело, как и благотворительные учреждения, становится привилегией церкви. Административный контроль над сельской округой переходит от курии к сильным лицам, содержащим вооруженных букелляриев на свой счет. Усиливается влияние дефенсора, не являвшегося «ни частью чиновного аппарата, ни представителем курии» (стр. 275). С 387 г. дефенсор становится главным ответственным лицом в городе; город теряет право распределять налоги. Развиваются новые порядки управления городом и окружающей его территорией; особенно подробно автор обрисовывает растущую власть епископа и значение внутренней организации церкви.

Подводя итоги, автор правильно охарактеризовал особенность Сирии: развитие крупной, независимой от города земельной собственности не привело к ослаблению экономических связей города и деревни (стр. 280).

Переходя к выводам, касающимся ранневизантийского города вообще, Курбатов объясняет изменения в городах наличием пробивающихся новых производственных отношений, распространением свободного мелкого ремесла. Однако перестал ли город оставаться рабовладельческим? Город вступал в новую, последнюю фазу развития рабовладельческого строя, разлагалась власть городской земельной знати, а не рабовладельческий город. Совершенно ясно, что с развитием общегосударственных институтов, оформленного гражданского права полисный патриотизм становится анахронизмом. Но вряд ли все явления упадка связаны с падением курии и ее идеологии. Форма римской муниципии и полиса — не единственная в истории античного мира. Падение полисного уклада было следствием перехода рабовладельческой формации на последний этап своего развития, а не являлось показателем феодализации города, хотя, в свою очередь, переход на новый этап рабовладельческого строя вызывался начавшимся разложением рабовладельческих институтов.

Монография написана хорошим слогом, красочно, читается с большим интересом. Однако нужно отметить некоторые недостатки в распределении материала, повторения рассуждений (например, об изменении характера рабства). Особенно обидны встречающиеся иногда опечатки и неточности в ссылках (например, на стр. 148 ссылки на Либания, XXXII,33; XXVIII,39; XXXIII,22 неправильны).

В заключение можно сказать, что советское византиноведение обогатилось серьезным научным исследованием; следует пожелать, чтобы Г. Л. Курбатов продолжал свою работу над проблемой ранневизантийского города.

М. Я. Сюзюмов

A. KHATCHATRIAN. LES BAPTISTÈRES PALÉOCHRÉTIENS. PLANS, NOTICES ET BIBLIOGRAPHIE. AVANT-PROPOS DE ANDRÉ GRABAR (École pratique des hautes études Collection chrétienne et byzantine). Paris, 1962

Работа Армена Хачатряна о раннехристианских баптистериях является второй в выпускаемой А. Грабаром серии материалов по раннехристианской и византийской археологии. Первой была работа Ж. Юбера о культовой архитектуре раннего средневековья во Франции[1]. Бо́льшая часть планов для Юбера была исполнена А. Хачатряном, который спустя 10 лет выступил автором самостоятельной работы того же типа. В отличие от Юбера, ограничившего себя территориальными рамками современной Франции, Хачатрян сделал смелую попытку охватить все известные (и предполагаемые) баптистерии, построенные до конца VII в. Обе книги — Юбера и Хачатряна — представляют собой альбомы, сопровождаемые только аннотациями; такая форма не навязывает выводов, но может при известных условиях выявить концепцию и метод автора, а тем самым и подсказать направление дальнейшей работы над материалом. В частности, аннотации Юбера отличаются, при всей краткости, чеканной точностью; они позволяют понять и оценку памятника в предшествующей литературе, и то новое, что вносит автор. Скромный по форме альбом планов отражает свойственный Юберу критический подход к датировке памятников.

[1] J. Hubert. L'architecture religieuse du haut Moyen Âge en France. Paris, 1952.